

КОПТЯКОВСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕПКУЛЬ 5¹

**В.А. Зах, В.М. Костомаров, В.В. Илюшина, Н.Е. Рябогина,
С.Н. Иванов, Ю.В. Костомарова**

Рассматриваются новые материалы коптяковской культуры многослойного памятника Чепкуль 5: планировка поселка, жилые сооружения, керамический комплекс, технологические и орнаментальные традиции, а также орудийный набор. По спорово-пыльцевым данным реконструирована природная обстановка во время обитания поселка в первой половине II тыс. до н.э. Получены свидетельства о возможном существовании земледелия в структуре хозяйства его населения.

Нижнее Притоболье, Андреевское озеро, поселение, коптяковская культура, жилища, керамика, спорово-пыльцевые спектры, пыльца культурных злаков.

В начале II тыс. до н.э. на лесостепных пространствах Урало-Иртышского региона, и в частности Притоболья, происходили климатические изменения, проявлявшиеся в постепенной аридизации. Мигрировавшие на эти территории скотоводы и металлурги вступали во взаимодействие с аборигенным населением. В результате складывались своеобразные симбиозные культуры, одна из которых — коптяковская. Ее ареал простирается от горно-лесного Зауралья на западе до устья р. Ишим на востоке, где на Красноярском городище обнаружена керамика, во многом схожая с коптяковской². Наиболее значительное скопление коптяковских поселений в Нижнем Притоболье отмечается на территории Андреевской озерной системы, некоторые из них исследованы, в том числе многослойный памятник Чепкуль 5, описанию, характеристике и анализу материалов которого посвящена настоящая работа.

Поселение находится на мысовидном выступе гривы, приуроченной к южной части берега оз. Чепкуль, в 6,2 км к востоку от п. Андреевский (Юрты Андреевские), в 6,7 км к юго-востоку от п. Субботино, в 6,1 км к северо-востоку от археологического музея-заповедника на Андреевском озере и в 18–19 км к юго-востоку от г. Тюмени (рис. 1). Открыто в 1988 г. В.М. Каноркиным. В 2007 г. памятник исследовался под руководством С.Н. Скочиной, в результате выявлена постройка эпохи раннего металла и коптяковской культуры [2007]. В 2008 г. работы продолжены В.А. Захом, наряду с байрыкскими и коптяковскими комплексами обнаружены боборыкинские, а также исследованы захоронения позднебронзового времени [Зах, Илюшина, 2011; Зах, 2012]. В 2012 г. изучалась юго-западная часть памятника, в результате выявлены коптяковские и, вероятно, юдинского облика (ранние) материалы, относящиеся к эпохе средневековья.

Всего исследовано около 850 м² площади поселения, выявлено 8 сооружений, из которых 6 связано с коптяковскими материалами (рис. 1, 1).

По углю из жилища № 6 получена радиоуглеродная дата, некалиброванное значение которой составляет 3415±115 лет (СОАН-8895) (по 1σ 65,7 % — 1890–1600 лет до н.э.; 2σ 95,4 % — 2050–1450 лет до н.э.), укладывающаяся в хронологические рамки коптяковских древностей, определяемые в пределах первой половины II тыс. до н.э.

В строении почвенного профиля выделяется дерново-гумусовый горизонт мощностью 0,08–0,1 м, он подстилается культурным слоем из темно-серой супеси мощностью 0,2–0,45 м. Ниже в почвенном слое отмечены линзы и пятна темно-коричневой супеси мощностью 0,25–0,4 м; отложения серо-коричневой супеси мощностью 0,1–0,7 м, заполнявшей хозяйственные и столбовые ямы; светло-коричневая супесь мощностью 0,4 м. Материковая порода представлена плотной бледно-желтой супесью.

Судя по расположению западин и исследованных коптяковских сооружений, поселок располагался вдоль береговой линии и имел, вероятнее всего, линейную уличную планировку (рис. 1, 2).

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья», а также при финансовой поддержке РФФИ, гранты № 12-06-31044, 12-06-31005.

² Исследования Е.М. Данченко.

Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5

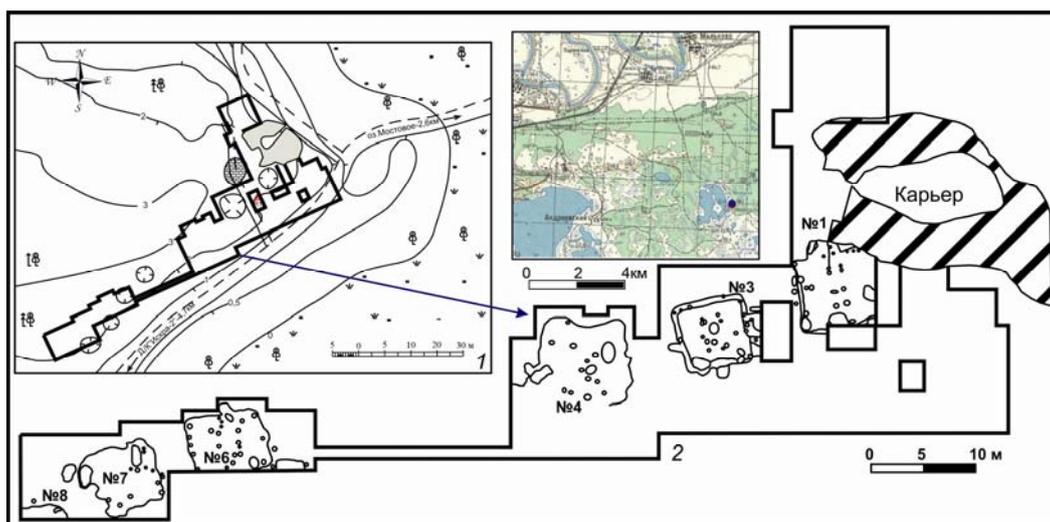

Рис. 1. Местоположение, план поселка (1) и сводный план раскопов (2) поселения Чепкуль 5

Сооружения коптяковской культуры поселения Чепкуль 5 представлены 5 жилищами размерами 7,2×8–7,3×7,4 м, углубленными в материк на 0,4–0,6 м, с котлованами, заполненными супесью серого и темно-серого цветов. Одно жилище исследовано частично. По внешнему периметру по углам котлованов, реже — в середине отмечены столбовые ямки диаметром около 0,3 м, глубиной до 0,5 м. Такие же ямки находились по углам внутри котлованов, а в некоторых жилищах рядами вдоль стенок. В центре сооружений ямки, как правило, располагались в виде квадрата, их диаметр варьировался от 0,17 до 0,4 м, глубина — до 0,4–0,6 м. Здесь же находились очаги в виде небольших кострищ с прокалом мощностью до 0,3 м, площадью около 1,0 м². Котлованы сооружений заполнены двумя видами супесей. Темно-серо-коричневая, мощностью 0,15–0,35 м, вероятно, представляла вторичное заполнение жилища, а темно-серая, мощностью 0,1–0,17 м, фиксировавшаяся на полу, являлась первичным заполнением котлована и основным заполнением столбовых ямок (табл. 1, рис. 2).

Таблица 1

Характеристика коптяковских построек поселения Чепкуль 5

№ постройки	Размеры, м	Глубина котлована, м	Форма котлована	Примечания
1	7×8	0,28	Квадратный	Столбовые ямки в центре сооружения и вдоль края котлована по внутренней его части
3	7×7	0,51	Квадратный	Столбовые ямки сосредоточены в центре сооружения и по углам котлована с внутренней стороны
4	7×8	0,24	Подквадратный, впущен в котлован неолитического сооружения	Сохранились ямки в углу котлована, в северной части, на полу котлована зафиксированы фрагменты сгоревших продольных балок, на которые, вероятно, был уложен настил
6	7×8	0,45	Квадратный	Сохранились столбовые ямки в центре котлована и по периметру котлована во внутренней части, в центре сооружения обнаружен очаг
7	7×7	0,37	Подквадратный	Сохранились отдельные столбовые ямки в центре котлована и по периметру внутреннего края котлована
8	Исследовано частично			

Судя по остаткам сгоревших перекрытий в жилище поселка Чепкуль 20 [Зах, Иванов, 2007], конструкция коптяковских сооружений — полуземлянок, углубленных в грунт на полметра, была каркасно-столбовой. Основу каркаса, скорее всего, составляла центральная рама на опорных столбах, а стены и кровля, видимо, формировались из жердей, опирающихся на каркас. Многочисленные ямки, расположенные вдоль стен котлована, свидетельствуют о поддержке несущей конструкции или укреплении стен. Возможно, наряду с несущей функцией центральная рама выполняла роль дымохода и светового окна.

В настоящее время известно несколько коптяковских поселений с жилищами, аналогичными сооружениям поселка Чепкуль 5. На Андреевском озере близкое по размерам и конфигурации сооружение исследовано В.Т. Юровской на поселении ЮАО 6 [1973, рис. 5]. Подобного ти-

па жилище изучено на поселении Чепкуль 20 [Зах, Иванов, 2007, с. 14]. Сооружение (жилище 34) с котлованом подквадратной формы, общей площадью около 30 м², исследовано на поселении Оськино Болото, расположенном несколько южнее Чепкуля 5 [Ткачев, Илюшина, 2012, с. 36].

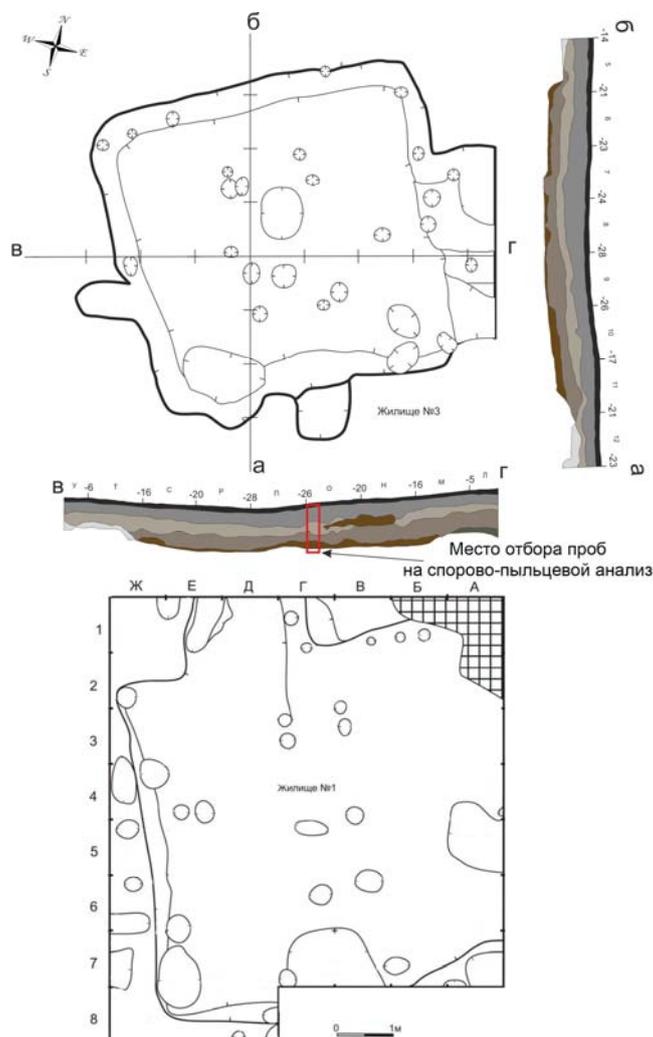

Рис. 2. Планы жилищ № 1, 3 и место отбора проб на спорово-пыльцевой анализ на поселении Чепкуль 5

Сооружения с близкими коптяковским характеристиками исследованы в поселках ташковской культуры, они имеют схожие очертания и размеры котлованов [Ковалева, 1988; Ковалева и др., 2000]. Близкие коптяковским строительные решения отмечаются в алакульских жилищах поселения Ук 3 [Корякова и др., 1991]. Аналогии прослеживаются также в домостроительстве носителей более поздней пахомовской культуры (поселения Пахомовская Пристань, Ботники 1в в лесостепном Тоболо-Ишимье) [Евдокимов, Корочкова, 1991; Матвеев, Костомаров, 2011].

Керамический комплекс коптяковской культуры поселения Чепкуль 5 представлен фрагментами не менее чем 150 сосудов, из которых 89 наиболее крупных верхних частей изделий и развалов подвергнуты технико-технологическому анализу. Для статистического анализа удалось использовать данные по фрагментам только 85 изделий.

В морфологическом отношении сосуды представлены горшками (58,8 %), горшечно-баночными формами (25,9 %) и банками (15,3 %) преимущественно с округлой (69,4 %), уплощенной (23,5 %), реже — приостренной (5,9 %) формой среза венчика. У одного сосуда скошенный наружу срез венчика (1,2 %) (табл. 2). Толщина стенок чаще всего не превышает 0,5–0,6 см (71,7 %).

Соотношение морфологических признаков сосудов из заполнения сооружений, межжилищного пространства и слоя

	Ж. № 1	Ж. № 3	Ж. № 4	Ж. № 6	Ж. № 7	Ж. № 8	Слой
Форма сосудов							
Горшечная	11/84,6*	4/66,7	6/75,0	8/80,0	4/100,0	2/100,0	15/35,7
Баночная	—	—	1/12,5	2/20,0	—	—	10/23,8
Горшечно-баночная	2/15,4	2/33,3	1/12,5	—	—	—	17/40,5
Форма среза венчика							
Округлый	9/69,2	6/100,0	5/62,5	8/80,0	4/100,0	2/100,0	25/59,5
Уплощенный	2/15,4	—	1/12,5	1/10,0	—	—	16/38,1
Приостренный	2/15,4	—	2/25,0	1/10,0	—	—	—
Скошенный наружу	—	—	—	—	—	—	1/2,4
Всего сосудов	13/100,0	6/100,0	8/100,0	10/100,0	4/100,0	2/100,0	42/100,0

* Здесь и далее в числителе указано количество сосудов, в знаменателе — процент от количества сосудов в жилищах и слое.

Технико-технологический анализ сосудов проведен в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, в соответствии с выделенной им структурой гончарного производства [1978; 1999, с. 9–11]. Данные по особенностям технологии изготовления керамики, полученные по материалам раскопок поселения в 2012 г., существенно дополняют предыдущие, по исследованиям 2007–2008 гг. [Илюшина, 2011, с. 386–388].

Установлено, что гончарами поселения Чепкуль 5 в качестве исходного пластичного сырья (далее — ИПС) использовались природные ожелезненные глины и глиноподобное сырье. Глины (56 обр., или 62,9 %) по степени запесоченности условно разделены на три группы: слабозапесоченные (15 обр., или 16,9 %), среднезапесоченные (35 обр., или 39,3 %) и запесоченные (6 обр., или 6,7 %). В качестве естественных примесей они содержат различное количество кварцевого в основном окатанного песка, железистые включения, оолы бурого железняка, единичные включения обломков лимонита, пылевидных листочков слюды.

Использование глиноподобного сырья зафиксировано по 33 сосудам (37,1 %). Качество и количество песчаной примеси в изломах фрагментов также позволяет выделить основные группы сырья: слабозапесоченное (11 обр., или 12,4 %), среднезапесоченное (16 обр., или 18,0 %) и запесоченное (6 обр., или 6,7 %). Кроме перечисленных выше компонентов это сырье содержит обломки или целые включения чешуи и косточек рыб размером от 0,5 до 5,0 мм (25 обр.), обрывки недеформированных стеблей, листьев растений длиной от 2,0 мм до 1,5 см, единичные отпечатки или обломки раковин речных моллюсков размером от 0,3 до 1,0 мм. В изломах 5 фрагментов обнаружены окатанные комочки чистой глины, комочки глины, засоренные песком и остатками растительности размером до 2,0 мм.

Гончарами поселения в основном отбиралось «тощее» ИПС. Природные глины и глиноподобное сырье, судя по отсутствию признаков предварительного высушивания и дробления, по всей видимости, использовались в состоянии естественной влажности. В качестве искусственных примесей добавлены как минеральные, так и органические добавки. В каждом из исследованных образцов зафиксирован *шамот* (Ш) размером от менее 0,5 до 2,0–2,9 мм, практически в каждом фрагменте фиксируются единичные включения до 5,0–6,0 мм. Концентрация шамота варьируется в пределах от 1:3 до 1:7, но чаще всего составляет 1:4 и 1:5.

Тальк (Т) как компонент формовочной массы представлен в основном включениями до 0,2 мм и реже 0,5–2,0 мм, его концентрация невелика и составляет примерно 1:6/7.

Выжимка из навоза жвачных животных (В) в первую очередь фиксируется по единичным отпечаткам сильно измельченной растительности размером от 0,5 до 2,0–3,0 мм, мелким аморфным пустотам со сглаженными матовыми поверхностями. Иногда наблюдается коричневый «сухой» налет.

Органические растворы (ОР) в керамике представлены разнообразными налетами, углистыми, бесцветными, серыми, ржавыми маслянистыми пленками на участках изломов. Часто фиксируются каверны, размер которых достигает 3,0–4,0 мм, внутри которых также наблюдаются различные по цвету маслянистые пленки. Нередко в изломах фиксируются углистые включения размером 0,1–1,0 мм. Отметим, что ржавые маслянистые или «сухие» налеты и

пленки на участках изломов и на спаях между строительными элементами при исследовании комплексов эпохи бронзы зафиксированы пока только в керамике коптяковской культуры. Кроме того, аналитические данные по 8 сосудам и сравнение их с полученными результатами экспериментальных исследований [Илюшина, 2013] позволяют предположить использование в качестве органического раствора массу, приготовленную из рыбы или ее отходов. В этих случаях с фрагментами чешуи прослеживаются углистые пленки с маслянистым или глянцевым блеском, углистые стеклообразные включения, иногда ржавые налеты.

Таким образом, по исследованному материалу в целом выделено три рецепта составления формовочных масс: ИПС + Ш + ОР (78 обр., или 87,7 %), ИПС + Ш + В (10 обр., или 11,2 %), ИПС + Ш + Т + ОР (1 обр., или 1,1 %).

Технологическому анализу подвергался и шамот как основной компонент формовочных масс, поскольку его состав может указывать на степень устойчивости определенных навыков на разных ступенях технологии [Моргунова и др., 2010, с. 123]. Наблюдения показали, что сосуды, использованные для изготовления шамота, также выполнены в основном из запесоченного сырья, единично встречены обломки раковин речных моллюсков, чешуи рыб. В формовочной массе керамики, шедшей на шамот, в абсолютном большинстве имеется только шамот (79 обр.). В изломах 2 фрагментов шамот содержит только тальк в сочетании с обломками минералов, в 8 фрагментах наблюдается шамот с шамотом и шамот с тальком. К сожалению, по изломам шамота сложно выявить особенности органической примеси в формовочных массах раздробленных сосудов.

Таким образом, анализ естественных примесей в исходном пластичном сырье шамота показывает, что в целом в гончарстве населения коптяковской культуры сосуществовали традиции отбора как природных глин, так и глиноподобного сырья. При составлении формовочных масс традиционным было добавление шамота. Присутствие в изломах фрагментов шамота с дресвой может указывать на контакты местного населения с группами, в гончарстве у которых были распространены данные рецепты.

Данные о навыках конструирования начинов получены лишь для трех изделий, обнаруженных во фрагментированном состоянии и в последующем реконструированных, а также четырех нижних частей емкостей. Конструирование начинов сосудов производилось в соответствии с двумя программами: донно-емкостной (6 сосудов) и донной (1 сосуд). Модель донно-емкостной программы конструирования предположительно определена как мелкая доэлементная. Многослойность изломов всех исследованных донных частей свидетельствует об использовании в качестве «строительных» элементов небольших глиняных лоскутов или коротких жгутиков, наращивание которых производилось по траектории, близкой к спиралевидной. Конструирование полого тела данных изделий, а также еще 21 верхней части сосудов также осуществлялось с помощью спиралевидного лоскутного налёпа. Анализ еще одной шейки сосуда показал, что в качестве строительных элементов применялись неширокие ленты.

Отсутствие четких признаков использования форм-моделей (отпечатки прокладок), а также некоторые особенности спаев между строительными элементами позволяют предполагать, что сосуды изготавливались на плоскости скульптурной лепкой. Форму им, скорее всего, придавали с помощью пальцев выдавливанием в процессе изготовления, а также выбиванием гладкой колотушкой, о чем могут свидетельствовать уплощенные участки на стенках некоторых изделий, деформированность строительных элементов.

Поверхности исследованных сосудов обрабатывались простым заглаживанием инструментами с эластичным или твердым рабочим краем, а также подвергались лощению. Следует отметить, что в ряде случаев выявить приемы обработки и идентифицировать используемое при этом орудие не удалось из-за мощного слоя нагара. В большинстве случаев внешняя поверхность, а нередко и внутренняя подвергались лощению по подсушенной основе галечкой.

Прочности и влагонепроницаемости стенок сосудов достигали путем термической обработки в костре или очаге в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды чаще всего при кратковременном действии температур калия глины (не ниже 650 °С).

Орнаментировались сосуды после заглаживания поверхностей. Лишь у 4 изделий орнамент отсутствует. При статистическом анализе учитывались сосуды (по венчикам), происходящие из заполнения котлованов жилищ. Из жилища № 1 взяты 13 сосудов, из жилища № 3 — 6, жилища № 4 — 8, жилища № 6 — 10, жилища № 7 — 4, жилища № 8 — 2 сосуда (всего 43 экз.). Анализ проводился по элементам орнамента, выполненным в технике штампования гребенча-

Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5

тым и гладким штампами, протаскивания гребенчатым штампом, вдавления уголком гребенчатого штампа и орудием с округлым рабочим краем (ямочные вдавления) (табл. 3). Посуда из жилищ сравнивалась с использованием агломеративно-иерархического метода кластерного анализа.

Таблица 3

Техника нанесения и элементы орнамента на сосудах коптяковской культуры поселения Чепкуль 5

	Ж. № 1	Ж. № 3	Ж. № 4	Ж. № 6	Ж. № 7	Ж. № 8	Слой
Штампование гребенчатым штампом	76,9	66,7	62,5	70,0	100,0	50,0	64,3
Штампование гладким штампом	—	16,7	12,5	—	—	—	23,8
Прочерчивание	—	—	—	—	—	—	35,7
Вдавление	61,5	66,7	75,0	70,0	—	100,0	52,4
Протаскивание гребенчатым штампом	15,4	16,7	37,5	10,0	100,0	—	9,5
Элементы орнамента							
Горизонтальный зигзаг, выполненный в технике штампования гребенчатым штампом	53,8	66,7	50,0	70,0	25,0	50,0	35,7
Горизонтальный зигзаг, выполненный в технике протаскивания гребенчатым штампом	15,4	16,7	37,5	10,0	25,0	—	7,1
Горизонтальный зигзаг, выполненный в технике штампования гладким штампом	—	—	12,5	—	—	—	7,1
Ряд вдавлений	7,7	—	12,5	10,0	—	50,0	2,4
Ямочные вдавления сгруппированные	30,7	33,3	12,5	40,0	100,0	50,0	23,8
Горизонтальные линии, выполненные в технике протаскивания гребенчатым штампом	7,7	—	—	—	—	—	7,1
Горизонтальные линии, выполненные в технике штампования гребенчатым штампом	23,0	16,7	12,5	10,0	50,0	—	16,7
Ямочные вдавления, расположенные в ряд	38,5	—	50,0	10,0	—	—	23,8
Наклонные и вертикальные оттиски штампа	15,4	50,0	—	—	—	—	28,6
Ряд вдавлений уголком гребенчатого штампа «Бахрома»	7,7	—	25,0	—	25,0	—	4,7
Ромбы незавершенные	23,0	—	—	30,0	50,0	50,0	4,7
«Ковровый орнамент», выполненный в технике протаскивания гребенчатым штампом	—	—	12,5	—	—	—	—
«Ковровый орнамент», выполненный в технике штампования гребенчатым штампом	7,7	—	—	—	—	—	2,4
«Желобки»	—	—	—	—	—	—	35,7
Треугольники из вдавлений уголком гребенчатого штампа	—	—	—	10,0	50,0	—	—
Треугольники из вдавлений	—	33,3	—	—	—	—	—
Елочка горизонтальная	—	—	—	—	25,0	—	—
Сетка	—	—	12,5	—	—	—	—
Крест	—	—	—	10,0	—	—	—
Треугольники над зигзагом	—	16,7	—	—	—	—	—
Треугольники	—	—	—	—	—	—	9,5
Орнамент на срезе венчика	7,7	—	—	—	—	—	14,3
Орнамент на внутренней поверхности сосуда	—	—	—	—	—	—	14,3
Ромбы завершенные	—	—	—	—	—	—	4,7
Лента	—	—	—	—	—	—	2/4,7
Меандр	—	—	—	—	—	—	4,7
Без орнамента	7,7	—	12,5	10,0	—	—	2,4
Всего сосудов	13	6	8	10	4	2	42

Результаты кластерного анализа посуды из шести жилищ по 22 элементам (признакам), представлены графически (рис. 3, 1). Наиболее тесная связь прослеживается между комплексами сооружений № 1 и 3.

Анализ данных по орнаментам и особенностям исходного пластичного сырья и формовочных масс керамики показал взаимосвязь двух пар жилищ. В первый кластер вошли жилища № 1 и 3, во второй объединились сооружения № 4 и 6 (рис. 3, 2).

По элементам и композициям орнамента, технике его нанесения, морфологическим особенностям керамический комплекс неоднороден и, на наш взгляд, может быть разделен на три группы. Первая группа представлена фрагментами 15 сосудов (рис. 4), имеющих слабопрофилированную, иногда закрытую форму, в одном случае намечено ребро при переходе от шейки к тулову. Орнамент нанесен гладким и гребенчатым штампом в технике прочерчивания, вдавле-

ния и штампования. Узоры простые и состоят из прочерченных неглубоких желобков, насечек по краю венчика, горизонтальных рядов вдавлений гребенчатым или гладким штампами, редки зигзаги, единично представлены ромбы. У некоторых экземпляров орнамент отмечен на внутренней стороне черепка и на срезе венчика. У большей части сосудов данной группы по краю венчика нанесен ряд ямочных вдавлений. Фрагменты данных изделий происходят из слоя, перекрывающего заполнения коптяковских сооружений. Эта группа изделий в целом аналогична материалам из раскопа 5 поселения ЮАО 6 [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 14, рис. 4], а также группе сосудов с линейно-прочерченной орнаментацией из культового места Шайтанское Озеро 2 [Сериков и др., 2009, с. 74, рис. 15].

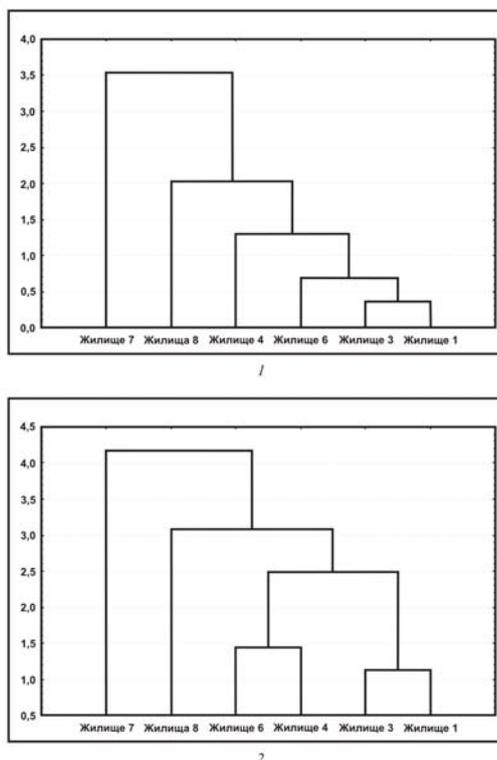

Рис. 3. Дендрограмма керамических комплексов жилищ № 1, 3, 4, 6–8 поселения Чепкуль 5: 1 — по орнаментальным признакам; 2 — по орнаментальным признакам, особенностям исходного пластичного сырья и составу формовочных масс

Вторая группа представлена фрагментами 70 сосудов, происходящих из заполнения 6 исследованных сооружений, а также слоя и межжилищного пространства (рис. 5; 6, 1–13, 15, 16, 20–25). Это сосуды в основном горшечной формы, чаще с плавным переходом от шейки к тулову, реже — с уступчатым плечиком, украшенные гребенчатым штампом в технике штампования и протаскивания. Особенностью данной группы является наличие ямочных вдавлений, сгруппированных по три, четыре, шесть или расположенных в ряд, иногда ямки нанесены на переходе от шейки к тулову. Основные элементы орнамента — зигзаги, горизонтальные линии, иногда обрамленные «бахромой» из вдавлений, наклонные оттиски штампа, реже — оттиски уголка гребенчатого штампа, различные вдавления, незавершенные ромбы. Рассматриваемый комплекс керамики сопоставим с материалами поселений Дуванское 18, керамикой из раскопа 8 поселения ЮАО 6, СБАО, расположенных в системе Андреевских озер, а также с комплексом поселения Оськино Болото. В целом рассмотренная посуда по форме и орнаменту находит аналогии в памятниках горно-лесного Зауралья (Шайтанское Озеро 2 — комплекс с алакульскими чертами, Палатки 1 и др.) [Сериков и др., 2009, с. 75–76, рис. 17, 5, 8–10; 18; Корочкова, Стефанов, 2010, с. 125, рис. 3Б, 20, 30; 2013, с. 93, рис. 5, 5–7; Викторова, 2011, с. 103–104, рис. 4; 5, 1–5], за единственным исключением — керамику поселения Чепкуль 5 отличает наличие оригинально нанесенных ямочных вдавлений, что не характерно для среднеуральских экземпляров.

Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5

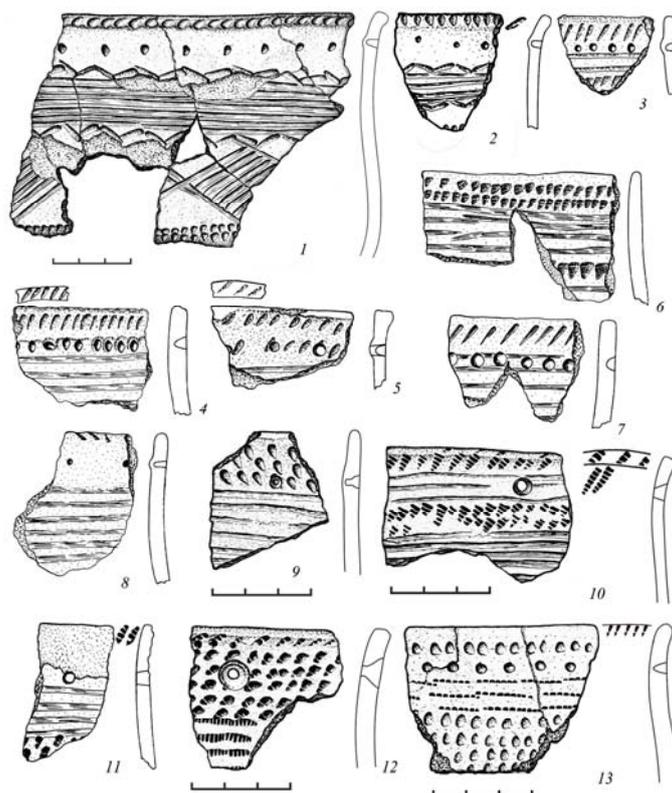

Рис. 4. Керамика поселения Чепкуль 5 коптяковской культуры из слоя, перекрывающего сооружения

Третья группа самая немногочисленная, представлена фрагментами 4 сосудов, обнаруженных в слое, перекрывающем сооружения (рис. 6, 14, 17–19). Это сосуды в основном горшечной формы, с плавной профилировкой, округлым срезом венчика. Орнамент нанесен в основном тонким гребенчатым штампом в технике штампования. Основные элементы узора — треугольники, в одном случае обрамленные «бахромой», горизонтальные линии, меандр, ленты. Данные изделия сопоставимы с сосудами из заполнения 6 могильника Чепкуль 5, материалами поселений Чепкуль 20, Мохиревское 3 [Зах, Илюшина, 2011, с. 24, рис. 4, 5, 6; Зах, Иванов, 2007, с. 15, рис. 3; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 23–25, рис. 8] и в целом имеют довольно большое сходство с федоровской керамикой.

Анализируя керамический комплекс, мы склонны предположить, что рассмотренные группы посуды отражают разные хронологические этапы существования и развития коптяковской культуры не только на поселении Чепкуль 5, но и в целом на территории лесостепного и южно-таежного Притоболья.

Вероятно, коптяковские поселения существовали небольшой промежуток времени, поэтому их керамические комплексы достаточно бедны. На настоящий момент исследовано всего 163 сосуда коптяковской культуры с памятников Тюменского Притоболья. Сравнивая керамику поселения Чепкуль 5 по технологии изготовления с другими изученными комплексами, следует отметить очень высокую степень сходства материалов на всех ступенях гончарного производства [Илюшина, 2013].

Инвентарь с поселения Чепкуль 5, при многослойности памятника, достаточно трудно разделить на культурно-хронологические комплексы. На основании аналогий можно лишь предполагать ту или иную временную принадлежность ряда изделий. Так, глиняные грузила представлены тремя типами: сигаровидными, часть из которых орнаментированы, биконическими и рожковидными. Изделия первых двух типов встречены в разных частях раскопа, скопление рожковидных грузил отмечено рядом с жилищем № 6 (рис. 7, 6–11). Первые два типа характерны для культур эпохи раннего металла лесостепного Тоболо-Ишимья. Грузила рожковидной формы встречаются с материалами ташковской культуры и являются ее своеобразным индикатором

[Шаманаев, Зырянова, 1998, рис. 1, 1, 2; 2]. Если учесть, что коптяковские древности сформировались на основе алакульских и ташковских, то рожковидные грузила могли некоторое время сохраняться в коптяковских комплексах. В скоплении грузил обнаружен керамический диск диаметром 8,4 см со сквозным отверстием в центре, возможно связанный с грузилами (рис. 7, 12). В этом же жилище № 6 найдено небольшое хорошо залощенное грузило подпрямоугольной формы с одним продольным желобком (рис. 7, 5). Аналогичные изделия с одним-двумя перехватами характерны для культур позднего бронзового века — федоровской, черкакульской, но особенно часто они встречались у пахомовского, бархатовского и сузгунского населения.

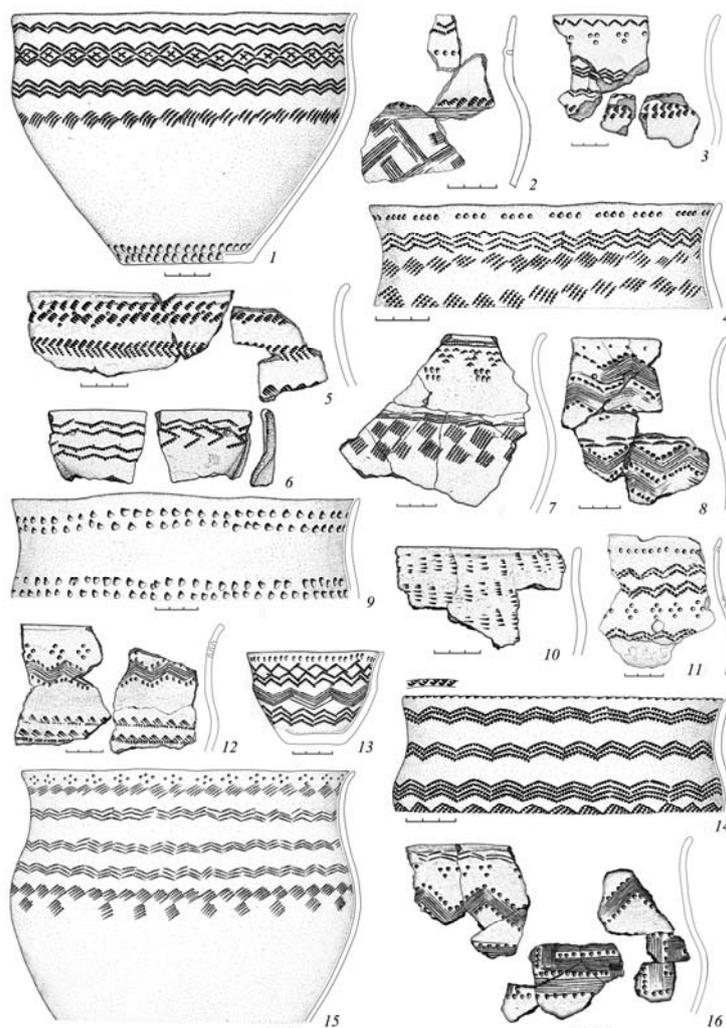

Рис. 5. Керамика коптяковской культуры поселения Чепкуль 5:

11 — жилище № 1; 8, 13, 16 — жилище № 4; 1, 4 — жилище № 6; 5, 7, 12 — жилище № 7; 9, 15 — жилище № 8;
2, 3, 6, 10, 14 — слой и межжилищное пространство

С металлообрабатывающим производством связан фрагмент литейной формы (рис. 7, 13), два лепных ошлакованных обломка неясного назначения, а также подставка-наковаленка (рис. 7, 15) и абразивы.

Более многочисленны изделия из камня: отходы камнеобработки, заготовки орудий и отщепы. В количественном отношении преобладают орудия на ножевидных пластинах и отщепы, в основном это концевые скребки, сверла, ножи, скобели и др. Скорее всего, большинство этих изделий связаны с неолитическим и эпохи раннего металла комплексом.

Из шлифованных орудий отметим абразив (рис. 7, 14) для обработки кости, изготовленный из крупнозернистой породы. По периметру на краях и плоскостях предметов фиксируются узкие конусообразные желобки. К коптяковскому комплексу относится кварцитовая галька со следами

Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5

затертости и заполировкой на 1/3 поверхности, использовавшаяся в кожевенном и керамическом производствах. Аналогичные изделия присутствуют в материалах федоровских и черкаскульских поселков. К эпохе бронзы можно отнести и фрагмент пестообразного орудия (рис. 7, 4), применявшегося для растирания и измельчения мелкозернистого сырья.

Рис. 6. Керамика коптяковской культуры поселения Чепкуль 5:
2, 3, 5–7, 12, 13, 16, 20 — жилище № 1; 1, 4, 15, 20 — жилище № 3; 9, 21 — жилище № 4; 11, 23 — жилище № 6;
22 — жилище № 7; 8, 14, 17–19, 24, 25 — слой и межжилищное пространство

Около 10 изделий изготовлены на плитках из различного каменного сырья (рис. 7, 1–3), среди них встречаются и крупные экземпляры, и совсем небольшие фрагменты, залежавшие как в верхних горизонтах культурного слоя, так и в заполнении коптяковских сооружений № 1, 6, 8. Один из обломков использовался как абразив для обработки поверхности металлических изделий, два имеют на поверхности следы в виде параллельных бороздок и мелких выбоинок, что позволяет отнести их к терочникам.

Для реконструкции природных условий на спорово-пыльцевой анализ отобрано 30 проб из заполнения жилища № 3, а также 15 проб на участке между сооружениями (рис. 2). Отбор производился без перерывов, с интервалом 3 см. Образцы обрабатывались по стандартной сепарационной методике [Пыльцевой анализ, 1950] с применением ацетализа и просмотрены с увеличением 640^x. Морфометрические измерения пыльцы выполнены при увеличении 400^x в про-

грамме AxioVision Rel 4.6³. Около пыльцевой колонки в стандартном объеме 10 л отобраны пробы для палеоботанического исследования. Флотация проб проводилась с использованием сита с размером стороны ячейки 0,2 мм, анализ выполнен на бинокулярном микроскопе⁴.

Рис. 7. Коптяковский инвентарь поселения Чепкуль 5

Кроме задач восстановления природного фона и локальных особенностей растительности, на этом памятнике был актуален поиск сведений о хозяйстве проживавшего здесь населения, в том числе возможных свидетельств земледелия.

Ранее пыльца культурных злаков была найдена в заполнении колодцев поселения федоровской культуры Курья 1 [Рябогина, Иванов, 2011]. Близкий хронологический диапазон (Курья 1 — 3390±40 л.н., Чепкуль 5 — 3415±115 л.н.) функционирования коптяковского и федоровского поселков и их локализация в системе Андреевских озер позволяли предполагать положительный итог поиска палеоботанических индикаторов земледелия на Чепкуль 5. Кроме спорово-пыльцевого анализа, была выполнена тестовая флотация культурного слоя. К сожалению, две пробы (объемом 10 л) из нижней и верхней части заполнения коптяковского жилища практически не содержали определяемых карпологических находок (за исключением нескольких семян мари белой), хотя и изобиловали угольками. Вероятно, флотация культурного слоя была проведена в недостаточном объеме, и, возможно, памятник перспективен для дальнейшего поиска карбонизированных семян культурных растений и других палеоботанических остатков, о чем свидетельствуют результаты пыльцевого анализа культурного слоя из жилища № 3.

Из заполнения котлована этого жилища на глубине 0,84–0,57 м выделены спектры с крупными пыльцевыми зернами злаков (от 4 до 8,5 % от общего состава спектров) (рис. 8). Дикорастущие представители семейства злаковых, как правило, имеют небольшие размеры, условная морфометрическая граница между средними длинами пыльцевых зерен диких и культивируемых

³ Морфометрические измерения выполнены А.С. Афониним (лаборатория археологии и естественно-научных методов ИПОС СО РАН), за что авторы выражают ему искреннюю благодарность.

⁴ Палеоботаническое исследование образцов проведено О.М. Короной (ИЭРИЖ УрО РАН).

Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5

злаков проведена на уровне 37 м [Beug, 2004], 38 м [Федорова, 1959] и более кардинально по рубежу 47 м [Joly et al., 2007]. В пробах поселения Чепкуль 5 основная масса найденной пыльцы злаков значительно превышает эти пороговые значения, достигая в длину 63 микрон. Вторым важным показателем считается средний диаметр поры с валиком, при условии превышения этого параметра 10,53 м пыльцу идентифицируют как принадлежащую культивируемым злакам [Joly et al., 2007]. К сожалению, пыльцу как культивируемых, так и дикорастущих злаков затруднительно объективно дифференцировать до рода или вида; кроме того, в ископаемом состоянии она часто смята, разорвана и склеена, в нашем случае по характерным чертам отчетливо выделяется 3 типа пыльцы (табл. 4).

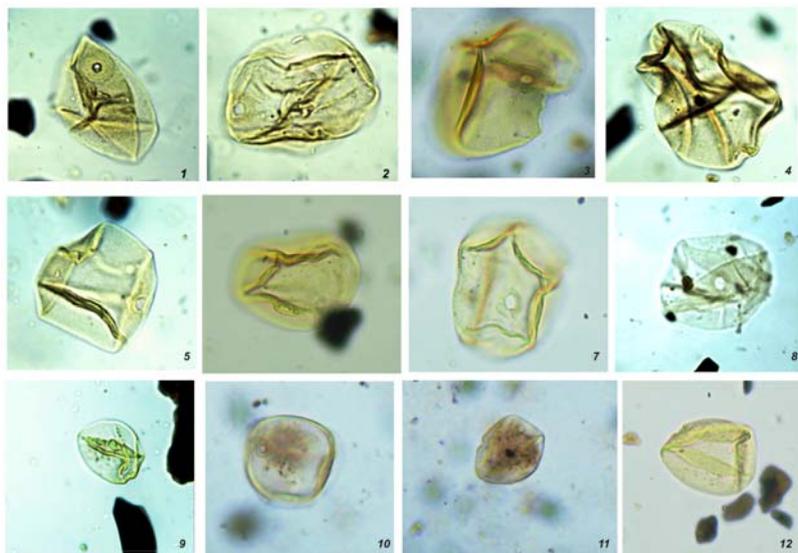

Рис. 8. Пыльца злаков типов I (1–4), II (5–8), III (9–12)

Таблица 4

Морфометрические параметры пыльцы злаков из культурного слоя поселения Чепкуль 5

Тип пыльцы	Параметры зерен пыльцы в микронах (минимальный/средний/максимальный)			
	Длина	Ширина	Диаметр поры	Средний диаметр поры с валиком
I — более крупная пыльца, с отчетливой зернистой скульптурой поверхности и отчетливым приподнятым околопорным валиком	44,9/51,6/63,3	39,1/44,6/57,3	3,1/4,6/5,7	8,9/11,1/13,5
II — более мелкая пыльца, практически гладкая, с более узким и плоским околопорным валиком	38,3/48,4/58,3	36,8/40,7/44,3	2,9/4,5/5,9	7,9/ 10,3/12,7
III — мелкая, шаровидная пыльца	21,6/28,4/34,7	21,1/27,8/32,8	2,4/2,9/3,9	5,8/6,3/7,3

Основываясь на данных Р.В. Федоровой [1959] и Н.-Ж. Beug [2004], изучавших строение пыльцы современных культурных злаков, мы склонны считать, что I тип пыльцы (рис. 8, 1–4) наиболее соответствует описаниям пыльцы пшеницы (*Triticum* sp.), она составляет до 3,6 % спектров из культурного слоя. Более затруднительно идентифицировать II тип пыльцы (рис. 8, 5–8), так как по ряду признаков он одновременно близок к ячменю (*Hordeum* sp.) и овсу (*Avena* sp.). Эта пыльца встречается в пробах чаще (до 4,9 % спектра). Однозначно можно отнести к обширной группе дикорастущих злаков III тип пыльцы (рис. 8, 9–12), он разнообразный, но, что характерно, встречается в меньших количествах и типичен в основном для отложений, перекрывающих культурный слой. В культурном слое в небольших количествах отмечены сорные растения (крапива, подорожник, вьюнок, иван-чай, маревые и крестоцветные), однако не выявлено обилия сорняков, сопровождающих посева. К дикорастущим растениям, которые могли употребляться в пищу, можно отнести лук, пыльца которого встречена в нижней части культурного слоя.

В целом по данным спорово-пыльцевого анализа установлено, что природные условия во время функционирования поселка в бронзовом веке были теплее современных, так как не выявлено растительных сообществ, типичных для подтаежной зоны, полностью отсутствовали сосновые леса. Поселок располагался на открытом месте, но в окружении березовых лесов. Остепненные луга или луговые степи не были типичны для этого района, открытые участки ландшафта были заняты разнотравными лугами, возможно местами, около берега озера, с признаками засоления.

Таким образом, детальный анализ новых материалов из раскопок поселения Чепкуль 5, характеризующих коптяковскую культуру, показал, что в домостроительстве ее носителей прослеживаются традиции как более ранних ташковских и алакульских общин, так и более поздних, пахомовских коллективов. Эта близость традиций, на наш взгляд, в определенной степени подтверждает мысль о формировании коптяковских комплексов на основе слияния ташковского и алакульского населения Тоболо-Ишимья.

Анализ коптяковского керамического комплекса Чепкуля 5 показал, что навыки гончарного производства у коптяковского населения были достаточно устойчивыми. Гончары использовали природные глины и глиноподобное сырье, при составлении формовочных масс всегда добавляли шамот, органические растворы, реже — выжимку из навоза; единично зафиксирован тальк. Начины сосудов конструировались в основном по донно-емкостной программе лоскутным налепом, с помощью которого изготавливалось и полое тело сосудов. Готовые изделия обрабатывались способом простого заглаживания, а также лощения. По особенностям орнамента керамики комплекс Чепкуль 5 разделен на три группы, которые, вероятно, отражают разные хронологические этапы развития коптяковской культуры.

Инвентарь с поселения Чепкуль 5 находит аналогии в материалах однокультурных памятников [Сериков и др., 2009, с. 73]. Некоторые изделия, в частности грузило с желобком, галька-лощило и металлообрабатывающие орудия, вероятно, свидетельствуют о зарождении новых категорий и типов инвентаря, получивших более широкое применение позднее.

В настоящее время данная территория занята подтаежными сосново-березовыми лесами, но во время обитания поселения Чепкуль 5 система Андреевских озер была приурочена к подзоне северной лесостепи с большой долей березовых лесов. находка пыльцы, скорее всего, культурных злаков в слоях из заполнения жилища, которая по морфометрическим параметрам близка аналогичной пыльце из заполнения колодцев федоровского поселка Курья 1, позволяет говорить о несколько более раннем возможном появлении земледелия в Нижнем Притоболье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Викторова В.Д.* Генезис коптяковской культуры // Шестые Берсовские чтения: Сб. статей Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2011. С. 98–106.
- Евдокимов В.В., Корочкова О.Н.* Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 50–63.
- Зах В.А.* Коптяковские погребения на поселении Чепкуль 5 // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: От артефактов к прочтению прошлого. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 107–117.
- Зах В.А., Иванов С.Н.* Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 7. С. 12–21.
- Зах В.А., Илюшина В.В.* Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 20–29.
- Илюшина В.В.* Технология изготовления посуды коптяковской культуры по материалам поселения Чепкуль 5 // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. II. С. 386–388.
- Илюшина В.В.* Экспериментальные исследования органических растворов в археологической керамике // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век: Материалы Междунар. полевой науч. конф. 6–12 августа 2012 г., с. Нов. Беденьга, Ульяновский р-н Ульяновской обл. Ульяновск, 2013. С. 40–45.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. 2010. № 4. С. 120–129.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.* Проблемы методики исследования древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук 3. Препр. Свердловск: Изд-во ИИА УрО РАН, 1991. 72 с.

Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 46–55.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д. и др. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 160 с.

Пыльцевой анализ. М.: Гос. изд-во геол. лит., 1950. 571 с.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: Проблемы аргументации, палеозотоботанические методы и анализ фактов // Археология, антропология и этнография Евразии. 2011. № 4 (48). С. 96–106.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро 2: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. № 2. С. 67–78.

Скочина С.М. Результаты раскопок многослойного поселения Чепкуль 5: (Предварительное сообщение) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 8. С. 231–234.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. С. 12–41.

Ткачев А.А., Илюшина В.В. Коптяковский комплекс поселения Оськино Болото // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 34–43.

Федорова Р.В. Некоторые особенности морфологии пыльцы культурных злаков // Тр. Ин-та географии АН СССР: Материалы по геоморфологии и палеогеографии. Работы по спорово-пыльцевому анализу. 1959. Вып. 77. С. 166–186.

Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Вторичное использование фрагментов керамики населением ташковской культуры // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 196–204.

Юрская В.Т. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 3–20.

Beug H.-J. Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete. Publisher: Verlag Friedrich Pfeil, Munich, 2004. 542 s.

Joly C., Barille L., Barreau M., Mancheron A., Visset L. Grain and annulus diameter as criteria for distinguishing pollen grains of cereals from wild grasses // Review of Palaeobotany and Palynology. 2007. No. 146. P. 221–233.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru
vkostomarov@yandex.ru
vika_tika@mail.ru
ryabogina@rambler.ru
ivasenik@rambler.ru
jvkostomarova@yandex.ru

The paper considers materials of the Koptyaki culture from a multilayer site of Chepkoul 5, including its stratigraphy and paleolandscape environment, planning of the settlement, dwellings, pottery complex, as well as technological and ornamental traditions with the Koptyaki population. Subject to analysis being an implement complex and pollen spectres sampled from sectional layers of the Koptyaki dwelling 3. Of interest being a finding of pollen, most probably of cultural cereals, in the layers from the filling of the dwelling, which, according to its morphometric parameters, being close to the similar pollen from the filling of the wells in the Fyodorovka settlement of Kurya, which makes a possible appearance of arable farming in the Low Tobol basin somewhat more ancient.

Low Tobol basin, the Andreyevskoye Lake, settlement, the Koptyaki culture, dwellings, spore-and-pollen spectres, pollen of cultural cereals.